

лись к переделу мира в свою пользу и ликвидации СССР. США, Великобритания и Франция рассчитывали укрепить свои позиции, проводя политику умиротворения агрессоров, стремясь столкнуть их в вооруженном конфликте с Советским Союзом. Лишь угроза поражения в войне с Германией сделала возможным возникновение антигитлеровской коалиции государств с различным общественным строем.

В межвоенный период закладывались предпосылки для деколонизации Востока и образования множества независимых государств. В 1930 году Египет, а в 1936 году Ирак добились заключения с Великобританией договоров о независимости, хотя ряд положений этих договоров все же ограничивал их суверенитет. Великобритания была вынуждена согласиться на вхождение Индии в Лигу Наций. В начале 1940-х годов была признана независимость Сирии и Ливана.

Таким образом, к началу Второй мировой войны был вновь воссоздан баланс сил крупнейших мировых держав. Великобритания, Франция, Германия, США и СССР боролись друг против друга за силовое влияние в Европе и мире.

Источники и литература

1. Василенко И.А. Геополитика современного мира: учеб. пособие. М.: Издательство Юрайт, 2010.
2. Желтов В.В., Желтов М.В. Геополитика: история и теория: Учебное пособие. М.: Вузовский учебник, 2009.
3. Исаев Б.А. Геополитика: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2006.
4. Капченко Н. Внешнеполитическая концепция Сталина. // Международная жизнь. 2005. № 9. С. 100 -121.
5. Кефели И.Ф. Геополитика Евразии. СПб.: ИД "Петрополис", 2010.
6. Сирота Н.М. Геополитика. Краткий курс. СПб.: Питер, 2006.
7. Толкунов А.В. Всемирный опыт Октябрьской революции. // Политический класс. 2007. № 36.

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ В ПОВЕСТИ Э.М. ФОРСТЕРА «МАШИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ»

Д.О. Половцев

Минск, Белорусский государственный университет

Пожалуй, из всего художественного наследия классика английской литературы XX века Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879 – 1970) наименее исследованными являются следующие произведения прозаика: антиконформистский роман «Морис» ("Maurice", 1971), сборник рассказов «В жизни грядущей» ("The Life to Come", 1972) и повесть «Машина останавливается» ("The Machine Stops", 1909). Анализ повести Э.М. Форстера «Машина останавливается» предназначен восполнить имеющиеся лакуны в изучении творчества английского писателя-модерниста, чьи пять романов из шести были экранизированы.

Повесть «Машина останавливается» состоит из трех частей, и ее сюжет довольно прост: прозаик изображает повседневную жизнь людей в эпоху Машины. Произведение Э.М. Форстера антиутопично; герои существуют в маленьких комнатах под землей, выход на поверхность возможен лишь с разрешения Цен-

трального Совета и в специальных респираторах; считается также, что «наверху» жизнь давно исчезла.

Жизнь людей «внизу» регламентирована и целиком зависит от Машины, которая заменила им религию: «Машина, – восклицали они [люди. – Д.П.], кормит нас, одевает и дает нам уют. Через нее мы говорим друг с другом, через нее мы видим друг друга, в ней обретаем свое бытие. Машина – друг идей и враг предрассудков. Машина всемогуща и вечна. Будь благословенна, Машина!» [1, с. 340].

Комната, в которой проживает главная героиня повести Вашти, – очень крохотная и не имеет окон. Думается, что Э.М. Форстер тем самым отсылает читателя к своему роману «Комната с видом», где на фоне итальянской природы разворачивается любовный роман главных героев Люси и Джорджа. Комната «без окон» является антитезой комнате «с видом» в указанном выше романе. Таким образом, представляется, что дихотомия «мир природы – мир цивилизации» является значимой для прозаика.

Вашти окружена вокруг себя различными механизмами, кнопками изоляции, экранами, световыми регуляторами, выключателями и прочими «благами» эры Машины. Для управления Машиной и ее механизмами Центральным Советом издана специальная Книга, к которой Вашти относится как к священной: «– О, Машина! О, Ты, Машина! Она поднесла Книгу к губам, трижды поцеловала ее, трижды склонила голову, трижды ощутив экстаз покорности» [1, с. 321]. Нельзя не отметить иронию Э.М. Форстера в изображении главной героини: «Женщина около пяти футов росту, с белым, как плесень, лицом. Ей-то и принадлежит комната» [1, с. 317].

Отметим, что еще в начале XX века английский прозаик предугадал проблему коммуникации в век (пост) информационных технологий. Вот как звучит ключевой, на наш взгляд, вопрос анализируемого произведения: «Разве ты [Вашти. – Д.П.] не понимаешь, разве не понимают все твои лекторы, что мы умираем, а по-настоящему живет под землей одна Машина? <...> Она отняла у нас ощущение пространства, отняла чувство касания, загрязнила все человеческие отношения, низвела любовь до полового акта, парализовала наши тела и нашу волю, а теперь принуждает нас обожествлять ее» [1, с. 335 – 336]. Таков вопрос сына к матери.

Дело в том, что Вашти вынуждена – по просьбе сына Куно – отправиться в путешествие и навестить его. Ей предстоит дорога «с острова в юном полушарии, в подземной глубине которого жила она, на остров в северном полушарии, где также под землей жил ее сын» [1, с. 322]. Ее первоначальным желанием было не осуществлять поездку на другой конец земли, так как ей была чужда непосредственная коммуникация. Желанием Куно было желание видеть мать непосредственно, не «через Машину», которая не передавала точного выражения лица. Однако для этого Вашти нужно было перебраться на другое полушарие. «Терпеть не могу мерзкую бурю, и море, и звезды во мраке» [1, с. 318], – таковы ее аргументы для отказа от поездки к сыну. Именно благодаря Машине близкие люди, кажется, навсегда утратили вербальные средства общения: «Почему ты [Куно. – Д.П.] не отправил письмо пневматической почтой?» [1, с. 318], – вопрошает Вашти. В этом пассаже главной героини заключена идея о том, что люди могут обходиться без непосредственного общения, могут воспользоваться посредниками для совершения акта коммуникации. В случае с Вашти таким является обожествляемая ею Машина.

После многих размышлений Вашти принимает решение навестить сына, хотя ей было известно, что, согласно Книге Машины, «родительские обязанности кончаются с появлением ребенка на свет» [1, с. 323]. Тем не менее, героиня делает такой выбор, нарушая тем самым предписания обожествляемой ею Книги.

Она нажала на нужную кнопку, впереди оказался туннель, затем Вашти вышла на платформу, вызвала поезд и села в вагон. Далее героиня зашла в лифт, но испытала огромное чувство дискомфорта, ибо «там находился еще один пассажир – первое живое существо, с которым она столкнулась лицом к лицу за много месяцев. Теперь редко кому приходило в голову путешествовать, ведь благодаря достижениям науки земля стала повсюду одинаковой» [1, с. 323]. Здесь Э.М. Форстер открывает пространство для функционирования бинарных оппозиций «Я – Другой» (например, романы «Поездка в Индию», «Морис», рассказ «Доктор Шерстихлоп»), «свое – чужое» (например, романы «Куда боятся ступить ангелы», «Комната с видом»).

В процессе путешествия к Вашти «вернулся страх перед непосредственным познанием» [1, с. 324]. Отметим, что такой же страх характерен и для героев романов «Поездка в Индию» (Адела), «Морис» (Морис), однако, это не совсем типично для героев «малой» прозы писателя (в рассказах присутствует восторг от познания окружающего мира, например: «Вечное мгновенье», «По ту сторону изгороди», «Небесный омнибус»). Куно, напротив, побывав на поверхности, снова рвется «наверх». Он мечтает в очередной раз увидеть те самые звезды, которые для Вашти кажутся невыносимыми.

Однако звезды – не единственное, что вызывает чувство дискомфорта у героини. В процессе путешествия она сторонилась взглядов других пассажиров, ее тревога возросла от факта наличия настоящей стюардессы на борту, к которой нужно было обращаться во время полета. В эпоху Машины люди не просто боялись вербального контакта, а избегали и тактильного как такового: «Когда Вашти с криком отшатнулась от солнечных лучей, стюардесса повела себя варварским образом: она протянула руку, чтобы поддержать Вашти.

– Как вы смеете? – воскликнула та. – Вы забываетесь!

Женщина смутилась и попросила извинения за то, что не дала Вашти упасть. Люди теперь никогда не дотрагивались друг до друга» [1, с. 327].

Никаких идей также не «рождает» пребывание в пространстве над Индией и Грецией. Необходимо упомянуть, что именно Индия, Греция и Италия были теми топосами, которые приносили Э.М. Форстеру вдохновение (роман «Поездка в Индию», «итальянские» романы «Комната с видом», «Куда боятся ступить ангелы», рассказы из сборника «Небесный омнибус»).

По прилету Вашти ожидал идентичный путь под землю в комнату сына, через вестибюль, на лифте, подземной железной дорогой, через раздвижную дверь. На противоположном полушарии никто и ничто не отличалось – всё и все были одинаковыми. По приезду матери Куно сообщает ей, что ему грозит Отчуждение, то есть смерть. В эпоху Машины это происходило так: «жертву выводили на поверхность, и наружный воздух убивал ее» [1, с. 329]. Побывать «наверху» можно было вполне законно, если, как уже указывалось выше, получить респиратор и попросить разрешение на право выхода. Однако Куно нарушил эти правила; он искал и нашел свой собственный выход. Необходимо отметить, что Куно обладал

некой физической силой, которая считалась недостатком в эпоху Машины. Младенцев при рождении осматривали и сильных уничтожали.

Куно – форстеровский герой, который постоянно (как и многие другие герои прозаика) находится в поисках себя. Для этого ему необходимо побывать в ином пространстве, то есть «наверху». Он высказывает протест против Машины следующим образом: «Все эти бесконечные трубки, кнопки, механизмы не пришли вместе с нами в этот мир, не уйдут из него вместе с нами, а пока мы живем, не они главенствуют в мире» [1, с. 332]. Куно – Другой на фоне безликого и гомогенного подземного пространства эпохи механизмов. Поэтому Вашти и не в состоянии понять, зачем ему необходимы эти опасные вылазки на лоно Природы. Ее внутреннее существо противится всему живому, поэтому ей чуждо то, что для Куно представляется невообразимым: «яма, заросшая травой <...>, солнце, льющее лучи сквозь белые, словно мраморные облака; покой, беззаботность, ощущение пространства» [1, с. 334]. Его, однако, находит и возвращает в мир «цивилизации» Ремонтующий Аппарат. Вербализировав свое желание жить «наверху» и сообщив матери о существовании жизни на поверхности, он тем самым вынуждает Вашти уехать, ибо, по ее убеждению, сын сошел с ума.

Однажды, находясь у себя в комнате, Вашти увидела вызов сына. Она к тому времени уже считала его человеком, который «**был** моим [ее. – Д.П.] сыном [выделено нами. – Д.П.]» [1, с. 342]. Он так и не был Отчужден; его за недостойное поведение переселили из северного полушария в южное, однако, мать не поддерживала никаких отношений с ним. Куно сумел объявить ей торжественно, что «Машина останавливается» [1, с. 342]. На признаки того, что с Машиной что-то случится, Э.М. Форстер указывал еще в первой части повести, когда один из пассажиров при посадке на борт воздушного корабля уронил Книгу, а Вашти нечаянно наступила на нее. Сейчас она восприняла слова сына о возможной остановке Машины как нелепые и рассмеялась. Вашти, как и другие обитатели подземелья, считала существование прогресса Машины вечным. Более того, остановка Машины, согласно ее верованиям, была совсем невозможной:

«– Машина останавливается? – переспросил знакомый. – Что это значит? Я не улавливаю смысла.

– Я [Вашти. – Д.П.] тоже» [1, с. 342].

Действительно, в последнее время начали происходить какие-то неполадки с вещаемой из механизмов музыкой, но Вашти отправила жалобу в Комитет Ремонтующего Аппарата, который обещал в кратчайшие сроки все исправить. Позже отказал и Спальный Аппарат. Недовольство жителей подземелья росло:

«– Кто-то препятствует работе Машины... – начинал один.

<...>

На помощь! Отомстите за Машину! Отомстите за Машину!

– Объявите войну! Убейте его!» [1, с. 344].

Однако для прекращения паники был вызван знаменитый лектор, который призвал попробовать обойтись «без кроватей, без таблеток и других мелких удобств. Этого, я [лектор. – Д.П.] уверен, от нас хочет Машина» [1, с. 344]. Слушатели, конечно, ответили аплодисментами.

Через некоторое время повреждения были частично исправлены, но наступил все-таки день, «когда совершенно неожиданно, без всяких предварительных

сигналов, система коммуникаций во всем мире разом распалась и мир, в понимании людей той эпохи, перестал существовать» [1, с. 345]. Только после этого до Вашти стал доходить смысл произнесенной Куно фразы о том, что «Машина останавливается». С прекращением работы механизмов наступила зловещая тишина, непривычная для героини, ибо с самого рождения ее окружал гул машины. Вашти нажала на кнопку, чтобы пробраться в туннель, но там «люди ползли в полумраке, кричали, стонали, задыхались, сталкивались, терялись во тьме и то и дело падали с платформы на рельсы, находившиеся под током. Одни толпились у электрических звонков, отталкивая друг друга, пытаясь вызвать поезд, который уже нельзя было вызвать. Другие вопили, требуя Легкой Смерти или респираторов или проклиная Машину. Третьи стояли в дверях своих ячеек, не зная, как и Вашти, оставаться там или выйти в туннель, – страшась того или другого. А за всем этим хаосом звуком притаилась тишина – истинный голос Земли и ушедших поколений» [1, с. 346]. Вашти наконец-то поняла, что эре Машины пришел конец.

Очень трогательно Э.М. Форстер описывает ее последнюю встречу с Куно:

«– Есть еще надежда, Куно?

– Для нас – нет.

<...>

Она пробралась к нему через мертвые тела. Кровь его обрызгала ей руки.

– Скорее, – выдохнул он, – я умираю. Но мы **касаемся друг друга, мы говорим не через Машину** [выделено нами. – Д.П.].

Он поцеловал ее» [1, с. 348].

Полагаем, что в этой сцене Вашти (забегая вперед, нельзя не отметить тот факт, что она, умирая, назовет «глупцом» кого-либо, активирующим Машину снова) и Куно возвращаются к себе самим, и это именно тот фрагмент повести, где гуманист Э.М. Форстер празднует торжество непосредственной коммуникации между людьми, свободной от барьеров, преград, изображенными, например, в рассматриваемой повести.

Напоследок Куно признается матери, что все-таки на поверхности жизнь есть:

«– Я видел их, говорил с ними, любил их. Они прячутся в тумане и папоротниках и ждут, когда прекратится наша цивилизация. Сегодня они Отчужденные, но завтра...

– А завтра... завтра какой-нибудь глупец снова пустит в ход Машину.

– Никогда, – сказал Куно, – никогда. Человечество получило хороший урок» [1, с. 348].

Слова Куно прозвучали как пророчество: весь город развалился, воздушный корабль взлетел в туннель и взорвался. Перед тем, как умереть, Вашти и Куно увидели безоблачное небо. Несмотря на то, что главные герои повести погибают, у Э.М. Форстера Природа все-таки побеждает Цивилизацию.

Э.М. Форстер в повести «Машина останавливается» еще в 1909 году сумел предвидеть те тенденции в развитии общества, с которыми человечество столкнулось в XXI веке. В этом и заключается актуальность изучения творческого наследия прозаика. Повесть английского писателя-модерниста – произведение-предупреждение, повествующее о возможности утраты коммуникации между людьми, что может иметь место в условиях технократического мышления.

Э.М. Форстер с присущей ему ироничной манерой и собственным видением указывает на барьеры и препятствия коммуникации между миром Машины и Человека, между Природой и Цивилизацией, наконец, между Человеком и Человеком.

Источники и литература

1. Форстер, Э.М. Машина останавливается / Э.М. Форстер // Избранное. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2000. – С. 315–348.

БЕЛАРУС ВА ЎМОВАХ РЭВАЛЮЦЫІ 1917 ГОДА І ГРАМАДЗЯНСКАЙ ВАЙНЫ Ў МАСТАЦКАЙ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ У. ГНІЛАМЁДАВА

В.І. Русілка

Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

Падзеі і гістарычныя наступствы рэвалюцыі 1917 года, якую ў залежнасці ад часу і палітычных поглядаў у грамадстве называюць то “Вялікай кастрычніцкай”, то “кывавым пераваротам”, безумоўна аказалі значны ўплыў на нацыянальную гісторыю беларусаў і адбіліся на канкрэтным лёсе кожнай сям’і. Выдатны беларускі празаік, доктар філалагічных навук акадэмік Уладзімір Васільевіч Гніламёдаў глыбока асэнсаваў гэтую тэму сродкамі эпасу ў гістарычным рамане “Расія” (2007). Неабходна зазначыць, што гэты раман з’яўляецца арганічнай часткай гістарычнай эпопеі, у якой аўтар паставіў перад сабой маштабную задачу: стварыць у раманах гісторыю беларускага народа праз гісторыю сваёй сям’і, паказаць, як гаворыць сам пісьменнік, “чалавека ХХ стагоддзя, ці, дакладней, чалавека ў плыні часу мінулага стагоддзя” [1, с. 4]. У выніку напружанай і плённай працы выйшлі з друку ўжо шэсць раманаў, кожны з якіх стаў чаканай і істотнай з’явай у сучаснай беларускай літаратуры: “Уліс з Прускі” (2006), “Расія” (2007), “Вяртанне” (2008), “Валошкі на мяжы” (2014, часопісны варыянт у 2009-2011 г.), “Вайна” (2014), “Пасля вайны” (“Полымя”, 2014, №11,12; 2015, №4, 5, 6, 7). Выхад кожнага рамана гістарычнай хронікі У. Гніламёдава стаў з’явай у літаратурным жыцці краіны і атрымаў аргументавана высокую ацэнку крытыкаў (грунтоўныя даследаванні В. Жураўлёва, М. Мішчанчука, В. Локун, Я. Гарадніцкага, З. Драздовай, Т. Студзенкі, М. Мікуліча, А. Раманчука).

Асноўнае мастацкае дасягненне У. Гніламёдава – стварэнне тыповага нацыянальнага характару беларуса праз вобраз Лявона Кужаля, які годна праходзіць праз усе няпростыя і часам трагічныя выпрабаванні ХХ стагоддзя і захоўвае памяркоўнасць, чалавечую прыстойнасць, дабрыню, справядлівасць і сялянскую ўгрунтаванасць у роднай зямлі, бязмерную любоў да яе і да родных людзей. Дадатковую эмацыянальную “падсветку” надае вобразу яго аўтабіяграфічны характар (прататыпам Лявона Кужаля стаў дзед пісьменніка Лявонцій Міхайлавіч Сцепанюк).

Раман “Расія” ў часопісным варыянце публікаваўся з падзагалоўкам “Сямейная хроніка ў духу барока” (дух барока для аўтара – перш за ўсё ў атмасферы няпэўнасці, таямнічасці) і мае дакладныя межы адлюстраванага часу: 1915 – 1922 гады. Аўтар расказвае пра чалавека ў віры лёсавызначальных для славянскіх народаў падзей – Першай сусветнай вайны, Лютаўскай і Кастрычніцкай